

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

РЕЦЕНЗИИ

И. П. Медведев. Византийский гуманизм XIV—XV вв. Л., 1976.

В истории византийской культуры найдется мало столь спорных и сложных проблем, как проблема византийского гуманизма. Разработка вопроса о византийском гуманизме в византиноведческой науке ведется уже многие годы. За последнее время интерес к этой проблеме особенно возрос. Появились исследования как общего, так и частного характера, принадлежащие крупнейшим византинистам (П. Лемерль, Х.-Г. Бек, А. Пертузи, И. Мейендорф, И. Шевченко, Х. Хунгер, Фр. Мазэ, И. Ирмшер). В советской историографии вопрос о византийском гуманизме как особом культурно-историческом явлении рассматривался в работах акад. С. Д. Сказкина, членов-корреспондентов АН СССР В. Н. Лазарева, В. И. Рутенбурга и многих других, а применительно к Византии затрагивался в работах М. Я. Сюзюмова, Б. Т. Горянова, Г. Л. Курбатова, Е. Б. Веселаго, Б. С. Попова, С. К. Красавиной и др.

Однако эта проблема, на наш взгляд, и по сей день далека от своего окончательного разрешения. Более того, в зарубежной литературе до сих пор дебатруется вопрос о правомерности самого понятия «византийский гуманизм». Так, на Западе раздаются голоса, отрицающие сам факт существования византийского гуманизма. Сторонники континуитета античной культуры в Византии полагают, что интерес к античному наследию в Византии никогда не угасал и его «возрождение» в XIV—XV вв. нельзя рассматривать как новое гуманистическое движение, аналогичное западно-европейскому гуманизму (И. Шевченко, О. Демус, И. Мейендорф). Игнорируя исторические социальные корни гуманизма, некоторые западные ученые даже усматривают в истории византийской культуры наличие нескольких периодов Ренессанса (П. Лемерль, К. Вейцман, М. Хадзидакис).

В этом многоголосом хоре разноречивых концепций раздался голос советского исследователя И. П. Медведева, выступившего с глубоко обоснованным доказательством существования византийского гуманизма. Проведя сравнительно-историческое исследование византийского и итальянского гуманистического движения, автор убедительно показал общие типологические черты, присущие византийскому и итальянскому гуманизму, подчеркнув, что то и другое явление имело одинаковую историческую почву в едином политическом, религиозном и экономическом итало-греческом комплексе, сложившемся в бассейне Центрального и Восточного Средиземноморья в XIV—XV вв. Вместе с тем монография И. П. Медведева направлена на выявление специфики византийского гуманизма и его отличий от гуманистического движения в Западной Европе.

Книга представляет собой глубоко фундированное и вполне оригинальное исследование. Она, бесспорно, явится ценным вкладом в разработку этой трудной и дискуссионной проблемы. К большим достоинствам работы надо отнести тщательное изучение многообразных и порой еще не изданных источников. Украшением монографии служит, в частности, перевод с греческого антихристианского трактата известного византийского философа Георгия Гемиста Плифона «Законы» и некоторых текстов из рукописей, хранящихся в архиве ЛОИИ СССР АН СССР.

Самой сильной стороной работы И. П. Медведева является анализ философских концепций византийских гуманистов XIV—XV вв., в первую очередь Феодора Метохита и Георгия Гемиста Плифона, в меньшей степени — Никифора Григоры и Виссариона Никейского. Автор убедительно показал, что философской основой мировоззрения византийских гуманистов был платонизм, глубоко переосмысленный византийскими учеными.

Ярко и красочно дана в книге концепция человека в мировоззрении византийских гуманистов.

В центре внимания исследователя находится такой сложный вопрос, как детерминизм и свобода воли в философской литературе XIV—XV вв. Автор показывает отход византийских гуманистов от церковной концепции божественного провидения и замену этой концепции философским детерминизмом, не исключая, однако, проявления свободы воли человека. Вершиной разработки этой философской проблемы является, по мнению И. П. Медведева, учение Плифона, приближающееся к пониманию свободы как познанной необходимости, хотя и трактуемой в сугубо идеалистическом плане (с. 121).

Большой интерес представляет анализ политических теорий византийских гуманистов. В их среде рождается теория неозеллинизма. Получают широкое распространение такие понятия, как «эллин», «эллинская культура», «эллинское государство», что было непосредственно связано с появлением в поздней Византии элементов национального греческого самосознания. Признавая зарождение в эпоху гуманизма неозеллинистической концепции, И. П. Медведев солидаризируется с Х.-Г. Беком, но настаивает на сохранении в значительной мере наряду с нею традиционной идеи универсальной империи во главе с византийским императором. Думается, однако, что следует учесть некоторые новейшие работы, хорошо аргументирующие значительное распространение неозеллинизма среди византийских гуманистов. Следует, в частности, напомнить работу Э. Арвейлер *«L'idéologie politique de l'Empire byzantin»* (Paris, 1975), которая прослеживает борьбу имперской и неозеллинистической концепции в последние века существования Византийской империи, связывая ее со столкновениями константинопольской и провинциальной знати. Ослабление имперской концепции и победу неозеллинизма она объясняет упадком Константинополя и усилением провинций, в частности Мистры. В учении Плифона она с особой настойчивостью выдвигает на первый план именно идеи неозеллинизма.

О распространении неозеллинистической концепции свидетельствуют, по нашему мнению, исторические взгляды византийского писателя XV в. Лаоника Халкокондила. В самую мрачную эпоху турецкого завоевания Халкокондил верил, что турецкое владычество не будет вечным и в будущем на месте Византии возродится новое греческое государство под властью греческого правителя (Халкокондил, I, 4, 17). Нам кажется, что в последние два века существования Византийской империи уже не было реальной исторической почвы для сохранения имперской идеи и возникновение неозеллинизма было закономерным историческим явлением. В этом аспекте, нам думается, и вся религиозно-философская концепция Плифона с его попыткой возродить греческое государство и языческую религию не была уж столь оторвана от жизни. Вряд ли следует ее трактовать только лишь как философскую спекуляцию. На наш взгляд, своими корнями она, безусловно, уходила в реальную действительность. Ее можно рассматривать, с одной стороны, как проявление гуманистических антицерковных идей, направленных против церкви и монашества, и как попытку укрепления в Пелопоннесе греческого государства — с другой. Об этом с особой ясностью свидетельствуют знаменитые проекты социально-экономических реформ Георгия Гемиста Плифона, изложенные в его речах, обращенных к императору Мануилу и деспоту Феодору. Сама жизнь и деятельность Плифона, создание им тайного сообщества своих последователей имели ярко выраженную политическую и антицерковную направленность; лишь огромный авторитет Плифона спас его от гибели, помог избежать судьбы его ученика Ювеналия, казненного по обвинению в ереси. Опасность для господствующей церкви учения Плифона хорошо видна из той ожесточенной борьбы, которую вел против него патриарх Геннадий (Георгий Схоларий), предавший беспощадному сожжению знаменитые труды философа. Хотя вся философская система Плифона была облечена в архаическую форму платонизма и язычества, появление ее, на наш взгляд

не случайно — оно знаменует собой глубокий идейно-политический кризис, охвативший византийское общество в XV в.

Что касается политических идеалов византийских гуманистов, то и они, несмотря на господство в них концепции о преимуществе монархии перед другими формами правления (олигархией и особенно демократией), свидетельствуют о решительном отходе гуманистов от господствовавшей в Византии концепции божественности императорской власти. Идеалом правления для большинства гуманистов является теперь мудрый и добродетельный монарх, который правит совместно со своими советниками из числа наиболее честных и образованных граждан, преимущественно философов. На наш взгляд, это чрезвычайно прогрессивное явление, свидетельствующее о качественно новом понимании монархии византийскими гуманистами, хотя у Плифона это опять же облечено в одежды платоновской политики. Бросается в глаза предложение Плифона пополнять императорский совет людьми среднего достатка, так как богатые будут заботиться о дальнейшем своем обогащении, а бедные — о своем пропитании. Бесспорно, это новые и прогрессивные идеи византийских гуманистов, резко контрастирующие с господствующей государственной доктриной. Досадно, что этот чрезвычайно интересный раздел книги заканчивается у И. П. Медведева расплывчатым выводом о том, что «византийские гуманисты... инстинктивно тянулись к идеалу просвещенной монархии» (с. 138).

Специальная глава посвящена социально-экономическим воззрениям византийских гуманистов. Конечно, приходится пожалеть, что в книге отсутствует раздел о социально-экономическом развитии Византии в XIV—XV вв., но мы прекрасно отдаем себе отчет в том, что при нынешнем состоянии источников такую главу написать очень трудно. Необходимо подчеркнуть, что социально-экономические воззрения византийских гуманистов рассматриваются И. П. Медведевым преимущественно на материале произведений Георгия Гемиста Плифона. Широко используя новейшую литературу и тщательно изучив труды Плифона, особенно его проекты социально-экономических реформ, автор воссоздает стройную концепцию социально-экономического развития Пелопоннеса, выдвинутую Плифоном. Нам кажется достаточно аргументированной гипотеза о том, что в проекте своих реформ Плифон выражал интересы служилых феодальной знати Пелопоннеса, точнее — проиаров, мелкопоместных феодалов, к числу которых сам он принадлежал. Отсюда его недоброжелательное отношение как к высшей феодальной аристократии, так и к монашеству, которое он рассматривает как сословие трутней, вредное для государства (с. 150—151).

Однако нам кажется, что И. П. Медведев недооценил прогрессивное значение реформ Плифона. Для своего времени Плифон выдвинул поистине радикальные реформы, пусть и облеченные в одежду античных реминисценций. Бесспорно, в обстановке господства феодальных отношений надо считать прогрессивным тезис Плифона о том, что «вся земля, как это дано природой, должна быть общей для всех живущих и никто не должен превращать ее в личную собственность... Каждый должен считаться хозяином возделываемого им участка до тех пор, пока он не оставляет работы на нем; он никому не должен ничего платить, и никто не может вредить ему или препятствовать, кроме того только, кто раньше его получил (этот) участок для обработки, — как устанавливается законом в отношении общей, а не частной собственности» (I, 18).

Не менее прогрессивен и другой тезис Плифона, проходящий красной нитью через все его реформы, — защита трудящегося человека, прежде всего земледельца, пастуха или виноградаря, труд которых рассматривается Плифоном как основа экономического благосостояния государства. Плифон призывает как можно лучше относиться к непосредственным производителям, «этим всеобщим кормильцам», не только защищать их от внешней опасности, но облагать единым справедливым натуральным налогом. В иерархии сословий, на которые должно делиться общество, именно земледельцы-налогоплательщики поставлены на первое место; на втором находятся воины, освобожденные от налогов и обязанные защищать государство, и на третьем — правители, чиновники, управляющие Пелопоннесом.

Плифон сам прекрасно отдавал себе отчет в исключительности и трудной осуществимости своих реформ. Он писал: «Если кому-нибудь покажется, что я излагаю невиданные и невероятные предложения, пусть он тогда возьмет надо мною верх, когда

докажет, что предлагаемое мною не является наилучшим и выгоднейшим государству и вместе с тем отдельным гражданам» (I, 19).

Бесспорно, И. П. Медведев прав в критике модернизаторских теорий зарубежных авторов, рассматривающих реформы Плифона чуть ли не как социалистические. Но все же, нам кажется, надо было более четко выделить то новое и прогрессивное, что имелось в реформах Плифона.

Многие реформы Плифона были навеяны внешней опасностью, грозившей Пелопоннесу в XV в. Отсюда его тезис о необходимости замены наемного войска местной регулярной армией, его «протекционистская» политика, ограждавшая ремесло и торговлю Пелопоннеса от конкуренции иноземных, в первую очередь итальянских, купцов. Вряд ли это была осознанная политика сельскохозяйственной автаркии Пелопоннеса, она просто диктовалась насущной необходимостью спасения местного производства. И, думается, не следует отрицать, что как укрепление государства, создание армии, улучшение налогового обложения, так и протекционизм отвечали интересам не только сельского, но и торгово-ремесленного населения Пелопоннеса. В целом в оценке социально-экономических реформ Плифона мы склоняемся к тезису о непосредственной связи этих реформ с реальной действительностью. Кстати, этот тезис не нов — он развивался Б. С. Поповым в его диссертации о Плифоне. Поэтому не следовало бы акцентировать внимание на утопичности, бесплодности, отрыве от жизни реформ Плифона. Нам кажется также, что не «возрождавшийся платонизм способствовал возникновению в Византии XIV—XV вв. довольно широко реформационного движения в плане социально-экономических идей» (с. 157), а потребности спасения византийского государства и поиски путей выхода из глубочайшего социально-экономического кризиса породили эти реформы.

Чрезвычайно интересное и насыщенное богатым фактическим материалом исследование И. П. Медведева не лишено, однако, и некоторых недостатков. Прежде всего название монографии несколько шире ее реального содержания. Сам И. П. Медведев, используя работы И. Шевченко, подчеркивает, что в рядах византийских гуманистов насчитывалось большое число ученых: «... из 435 оставшихся нам известными деятелей византийской культуры на протяжении всей истории империи 91 приходится на XIV в. Из них 51 человек (или 55%) может быть приписан к церковной сфере, а 40 (около 45% от всего числа интеллектуалов XIV в. — светские, *literati*)» (с. 13). Между тем в монографии автор рассматривает деятельность сравнительно небольшого числа византийских гуманистов, а всестороннюю оценку по существу дает концепциям только двух выдающихся гуманистов — Георгия Гемиста Плифона и Феодора Метохита и в меньшей степени — Григоры и Виссариона. Может быть, было бы лучше вынести в подзаголовок имена Плифона и Феодора Метохита.

Характеристика Метохита была бы еще более полной, если бы автору удалось использовать некоторые его неизданные произведения, в частности поэму Феодора Метохита, обращенную к Никифору Григоре (Paris. Gr. 1776, лл. 59—69; Paris. gr. 2751, лл. 40—46), и работы И. Шевченко, Р. Гийана и М. Джиганте об этой поэме. Ведь поэма Метохита представляет собой характерный для гуманистов жанр автобиографии, своего рода исповедь ученого, в которой он рассказывает о самых интимных сторонах своей жизни, о своих этических и эстетических представлениях.

В этой связи следует напомнить об интересной работе И. Ирмшера¹, в которой восточногерманский ученый выдвигает положение о том, что жанр автобиографии появляется в византийской литературе в кризисные, переходные эпохи. Для раннего периода средневековья — это исповедь Августина и произведения Григория Назианзина, а для эпохи гуманизма — упомянутая выше поэма Метохита и ряд других аналогичных произведений.

Книга И. П. Медведева не лишена некоторых модернизаторских тенденций. Так, едва ли следует называть кружки гуманистов «салонами» (с. 19), а встречи итальянских и греческих гуманистов во время Флорентийского собора своего рода «международным симпозиумом», или даже, вслед за Мазэ, Флорентийский собор — «первым международным философским конгрессом» (с. 162).

¹ *Irmischer J.* Autobiographien in der byzantinischen Literatur. — *Studia Byzantina*, 1973, 2, S. 3—11.

Иногда налицо стилистические небрежности. Так, на с. 31 автор пишет: «В Византии существовала широко разветвленная сеть доносчиков (сикофантов), которых Феодор Метохит называл пиявками, берущими на мушку всех инакомыслящих». Стилистически неудачна также фраза на с. 25 о том, что до XIV в. было возможно совмещение двух традиций развития византийской культуры «не только вовне, т. е. в обществе, но и внутри одного и того же деятеля». На с. 44: Плифон «. . . одной ногой стоял еще в дремучем традиционализме». Непонятно выражение на с. 155: «прессирование текстов». Трактат Бозция «Утешение философией» ошибочно назван «Утешение философии» (с. 162) и др.

Однако эти недостатки не снижают общего высокого идейного и научного уровня исследования И. П. Медведева. Его монография открывает новое направление в изучении византийского гуманизма как более сложного раздела истории византийской культуры. Огромный материал греческих источников, прекрасное знание новейшей литературы на многих западноевропейских языках, хорошая исследовательская школа, оригинальность и широта научных взглядов — все это позволяет считать монографию И. П. Медведева ценным вкладом в развитие византиноведческой науки.

З. В. Удальцова

* * *

Монография И. П. Медведева посвящена одной из наиболее актуальных и дискуссионных проблем в современном византиноведении и в известной мере в средневековедении в целом.

Разработке данной темы автором предшествовали его многолетние специальные исследования различных вопросов истории поздней Византии (XIV—XV вв.), в особенности истории византийской культуры и проблем общественной и идеологической жизни Морейского княжества, где жили и действовали наиболее видные представители византийской интеллигенции, творчество которых составляет предмет научного анализа И. П. Медведева. Иными словами, книга является итоговым завершением целого цикла работ автора. Многие из вопросов, трактуемых в монографии, уже были затронуты им в книге «Мистра. Очерки истории культуры поздневизантийского города» (опубликована в 1973 г.) и в ряде статей¹.

Монография начинается с краткого (6 с.) введения, в котором излагаются существо проблемы, ее наиболее спорные аспекты и определяется задача исследования — через «возможно более глубокое знакомство с источниками эпохи. . . попытаться создать обобщающий труд о гуманистическом направлении в рамках византийской культуры XIV—XV вв.» (с. 10).

В современной, по преимуществу в зарубежной — западной и греческой, — историографии понятие «византийский гуманизм» трактуется крайне противоречиво: либо как выражение континуитета античной культуры, как непрерывная традиция византийской философской и общественно-политической мысли, сохранявшаяся вопреки господству ортодоксии и религиозной схоластики в течение всей истории империи, либо как периодические «всплески» проявления гуманизма в творчестве отдельных деятелей культуры Византии (так называемая «множественность ренессансов»). При этом одни ученые сближают византийский гуманизм с итальянским, другие противопоставляют эти два понятия, подчеркивая бесплодие, отсутствие творческой мысли и формализм аттицизирующей традиции в трудах гуманистов Византии.

Несмотря на то, что автор хотел бы «чувствовать себя свободным от терминологического гнета, ибо далеко не убежден, что может идти речь о византийском гуманизме как широко культурном движении, выразившем идеологию нового, нарождавшегося класса буржуазии» (с. 9), сама логика исследования обязывала ученого строить свою работу в сравнительно-историческом плане — анализ осуществляется, явно или в подтексте, в неразрывном сопоставлении основных характеристик византийского гуманизма с идейными критериями итальянского Ренессанса.

¹ *Медведев И. П.* Политическая экономия Гемиста Плифона. — ВВ, 33, 1972; *Он же.* Византийский гуманизм. — ВИ, 1972, № 4; *Он же.* Современная библиография исихастских споров в Византии в XIV в. — АДСВ, 1972, 1973; *Он же.* К вопросу о влиянии идеологической борьбы в Византии XIV в. на изобразительное искусство. — В кн.: Искусство и культура Византии. Л., 1975.